

— Matema —

Если выйти на пенсию, когда мне исполнится 72 года, то тогда мне остается работать пять месяцев. Это равняется 22 неделям, и если все пациенты в назначенное время явятся, значит, мне предстоит провести ровно 800 сеансов. Разумеется, если кто-нибудь отменит визит или заболит, то меньше. Хоть какое-то утешение.

— Квадраты —

Э то случилось, когда я выглянул в окно своей гостиной. На ковер четырьмя вытянутыми четырехугольниками легло весеннее солнце и медленно, но неуклонно поползло по полу к моим ногам. Возле меня на столе лежало нераскрытым первое издание *La nausée*¹, за которое я годами пытался заставить себя приняться. У девочки были худые и бледные ноги, и меня удивило, что ей так рано по весне разрешают гулять в одном платье. Она начертила

¹ Тошнота (франц.).

на тротуаре классики и прыгала, глубоко сосредоточившись, сначала на одной ножке, потом на обеих, потом снова на одной. Волосы собраны в два крысиных хвостика; на вид ей было лет семь, она жила с матерью и старшей сестрой в доме четыре дальше по улице.

Возможно, людям я кажусь самобытным философом, проводящим дни напролет у окна в наблюдениях над значительно более важными вещами, чем битая для игры в классики или движение солнца по ковру. Но нет. На самом деле я глазел в окно, потому что не нашел себе лучшего занятия, ну и к тому же нечто жизнеутверждающее звучало в триумфальных возгласах, временами доносившихся до меня, когда девочке удавалось выполнить особенно сложную комбинацию прыжков.

Посидев так некоторое время, я встал налить себе чашку чаю, а когда вернулся на свой пост, девочки уже не было. Наверное, она затеяла более увлекательную игру в другом месте, подумал я; мелок с битой валялись посреди дороги.

Вот тогда-то это и произошло. Я как раз поставил чашку на подоконник, чтобы чай немного остыл, прикрыл колени пледом — и тут краем глаза заметил, как что-то упало. Мне удалось вновь вернуть свое негнущееся тело в вертикальное положение и приблизиться вплотную к окну ровно в тот момент, когда раздался пронзительный крик. Она лежала у подножия дерева справа от дороги, там, где от нее ответвляется тропинка к озеру. В ветвях дерева я разглядел кошку, бившую хвостом. Девочка сумела сесть, прислонившись спиной к стволу, и рыдала, обхватив руками лодыжку.

Я отпрянул за косяк окна. Может, надо подойти к ней? Последний раз я разговаривал с детьми, когда сам был ребенком, так что это не считается. Не расстроится ли она еще больше, если перед ней вдруг возникнет и станет ее утешать незнакомый дядька? Я снова украдкой выглянул в окно; она все так же сидела в траве, подняв заплаканное лицо вверх и глядя на что-то вдалеке за моим домом.

Только бы меня никто не увидел. Какой же он врач, сказали бы люди, стоит себе пялиться и ниче-

го не предпринимает? Поэтому я взял свою чашку, ушел на кухню и сел там за стол. Хотя я повторял себе, что девочка и сама встанет и потихоньку доскачет до дома на одной ноге и что все с ней хорошо, но часы шли, а я так и прятался на собственной кухне. К тому времени, когда я наконец пробрался назад в гостиную и, таясь за занавеской, выглянул наружу, мой чай остыл и подернулся мутной пленкой. Девочки, разумеется, на дороге уже не оказалось.
